

ПОДРАЖАЯ НЕКРАСОВУ ИЛИ ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЬ ИВАНОВА

Кажинный раз на этом самом месте
я вспоминаю о своей невесте.
Вхожу в шалман, заказываю двести.

Река бежит у ног моих, зараза.
Я говорю ей мысленно: бежи.
В глазу — слеза. Но вижу краем глаза
Литейный мост и силуэт баржи.

Моя невеста полюбила друга.
Я как узнал, то чуть их не убил.
Но Кодекс строг. И в чем моя заслуга,
что выдержал характер. Правда, пил.

Я пил как рыба. Если б с комбината
не выгнали, то сгнил бы на корню.
Когда я вижу будку автомата,
то я вхожу и иногда звоню.

Подходит друг, и мы базлаем с другом.
Он говорит мне: Как ты, Иванов?
А как я? Я молчу. И он с испугом
Зайди, кричит, взглянуть на пацанов.

Их мог бы сделать я ей. Но на деле
их сделал он. И точка, и тире.
И я кричу в ответ: На той неделе.
Но той недели нет в календаре.

Рука, где я держу теперь полбанки,
сжимала ей сквозь платье буфера.
И прочее. В углу на оттоманке.
Такое впечатленье, что вчера.

Мослы, переполняющие брюки,
валялись на кровати, все в шерсти.
И горло хочет громко крикнуть: Суки!
Но почему-то говорит: Прости.

За что? Кого? Когда я слышу чаек,
то резкий крик меня бросает в дрожь.
Такой же звук, когда она кончает,
хотя потом еще мычит: Не трожь.

Я знал ее такой, а раньше — целой.
Но жизнь летит, забыв про тормоза.
И я возьму еще бутылку белой.
Она на цвет как у нее глаза.

1968